

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Гарькин И.Н., Мельниченко О.В.
Научный руководитель – профессор Королев А.А.

*Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства*

При разработке новой правовой базы новой государственно-конфессиональной политики в постсоветской России главная цель состояла в том, чтобы на союзном уровне гарантировать свободу вероисповедания в соответствии с требованиями международного права¹.

В 1993 г. была предпринята попытка изменить Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий». РПЦ выступила с инициативой внесения поправок в Закон, направленных на ограничение деятельности миссионеров в стране, поскольку они препятствовали реализации свободы совести в стране. Но Запад выступил категорически против, и Б.Н. Ельцин не утвердил принятый Верховным Советом Закон. В октябре 1993 г. данный законопроект был подписан вице-президентом А.В. Руцким во время осады Белого дома с целью привлечения на свою сторону руководства РПЦ. Церковные иерархи участвовали в переговорах парламента и Б.Н. Ельцина, но придерживались нейтральной позиции. После победы Б.Н. Ельцина руководство РПЦ выступило в его поддержку.

В Конституции Российской Федерации (1993 г.) впервые гарантировалось любому гражданину право на свободу совести и свободу вероисповедания, право исповедовать религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28). Конституция объявляла Российскую Федерацию светским государством, т.е. никакая религия или атеистическая идеология не устанавливается как основа государственной власти; религиозные организации отделены от государства; судебная система государства не предусматривает создания конфессиональных судов; в государственных и муниципальных образовательных учреждениях закреплён светский характер образования; государство не финансирует религиозную деятельность и т.д. статьи Конституции закрепили нормы, включённые в Законе 1990 г. Государство провозгласило одним из принципов своего устройства религиозную свободу. Одновременно вера фактически была объявлена частным делом человека. Однако, как уже отмечалось, в посткоммунистической России происходил более быстрый рост роли религии в общественной, а не в личной сфере. Возможно, этим объясняется, что с принятием Конституции не прекратились дебаты о религиозном законодательстве.

Данные положения были развиты затем в Законе Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. По мнению А.И. Кудрявцева, принятие Закона 1997 г. обусловили следующие обстоятельства: «1) распад СССР и возникновение нового государства РФ; 2) религиозная экспансия зарубежных миссионеров; 3) принятие новой Конституции 1993 г., части I В II ГК РФ; 4) наличие на федеральном уровне более 70 нормативно-правовых актов,

¹ Себенцов А.Е., Ковалев А.А., Калинин В.Н. Свобода религии для человека // Международная жизнь. 1990. № 12. С. 30.

затрагивающих вопросы свободы совести, которые терминологически и юридически противоречили Закону РСФСР «О свободе вероисповеданий»¹.

Принятию закона предшествовала тщательная подготовительная работа с широким освещением в средствах массовой информации. Особенностью этого нормативно-правового акта являлось то, что в его разработке на всех этапах принимали участие собственно представители религиозных конфессий России.

В преамбуле Закона 1997 г. признавалась особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, подчеркивалось, что христианство является неотъемлемой частью исторического наследия народов России. Но следует согласиться с С.А. Авакьяном, что «не ранжирование религий, а именно учет степени их распространения в Российской Федерации... содержание Закона свидетельствует о том, что никаких юридических преимуществ названные религии не имеют ни друг перед другом, ни перед иными религиями»².

В отличие от своего предшественника Закон 1997 г. вводил иерархию религиозных объединений: религиозные организации, действовавшие до 1982 г., оказались в более выгодном положении по сравнению с созданными позже. Возможности миссионерской работы были законом значительно ограничены. Закон также предоставил право государственным органам при определенных условиях вмешиваться в религиозную жизнь.

Закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» по сравнению с Законом 1990 г. определял другую концепцию взаимоотношений между государством, религией и обществом, подчеркивал потребность в разрешении иных проблем в государственно-конфессиональной политике и свидетельствовал об изменившихся настроениях в обществе: если в преамбуле Закона 1990 г. акцентировалось внимание на неотъемлемости права на свободу вероисповедания и стремлении придерживаться положений международных актов, то преамбула Закона 1997 г., не отказываясь от права каждого гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, подчеркивала светский характер государства, детерминировала религиозную жизнь историческим и культурным контекстом.

В целом, фундаментальные принципы религиозной свободы в Законе 1997 г. сохранялись. Более того, они прописаны гораздо подробнее и детальнее и сведены воедино. «Если бы этому закону не предшествовала «неограниченная религиозная вольница», то вполне возможно, что он и не вызвал бы столь резкой критики»³.

Принципиально новым среди данных положений было право органов власти субъектов Российской Федерации объявлять нерабочими днями религиозные праздники в соответствующем субъекте или даже на части его территории, что показывало намерение учитывать этническую и религиозную особенности российского населения каждой конкретной территории, поскольку ранее установление праздничных дней являлось исключительно прерогативой федеральной власти для страны в целом.

Новым в законодательстве было и деление религиозных объединений на религиозные группы и религиозные организации. Причем, права и возможности религиозных организаций оказались гораздо шире, чем права и возможности религиозных групп. По закону 1997 г., только религиозная организация могла зарегистрироваться как юридическое лицо.

¹ Кудрявцев А.И. Государственно-церковные отношения в Российской Федерации в 90-е годы XX века (конституционно-правовой аспект): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 114.

² Авакьян С.А. Свобода вероисповедания как конституционно-правовой институт // Вестник Московского Университета. Серия 11: Право. 1999. № 1. С. 10.

³ Казмина О.Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в современной России (Этноконфессиональная составляющая проблемы). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 32.

Религиозные организации были подразделены на местные и централизованные, исходя из территориальной принадлежности. В Законе было прописано, что только те централизованные организации, структуры которых действовали на территории Российской Федерации на законных основаниях на протяжении не менее 50 лет на момент обращения с просьбой о государственной регистрации, вправе использовать в своих наименованиях слова «Россия», «российский» и производные от них. От религиозной организации новый закон потребовал, чтобы в своем наименовании она содержала сведения о ее вероисповедании. В обязанности религиозной организации закон также вменяет ежегодно информировать зарегистрировавший ее орган о продолжении своей деятельности.

По Закону, к требованиям создания религиозной организации относилось подтверждение обратившейся религиозной группы о ее существовании на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет. Именно данное условие - пятнадцатилетний ценз – породило серьезную волну претензий, т.к. большое количество религиозных объединений распространилось в России только в начале 1990-х гг. и естественно не могли претендовать на статус религиозной организации. Еще одним осложняющим обстоятельством данного положения, отличавшим его от аналогичной статьи Закона 1990 г., было увязывание возможности создания религиозной организации с гражданством учредителей.

Закон 1997 г. несколько ужесточал требования к уставам религиозных организаций, более строгой становилась процедура регистрации религиозных организаций. Предусматривался вариант отказа в регистрации религиозной организации государственными органами. В Законе 1997 г. более детально, чем в его предшественнике, прописывался механизм ликвидации религиозной организации и вынесения запрета на деятельность религиозного объединения. По Закону 1997 г. надзор возлагался на органы прокуратуры, контроль за исполнением законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях поручался органу, зарегистрировавшему религиозную организацию.

В «Заключительных положениях» прослеживаются некоторые уступки в отношении пятнадцатилетнего ценза. Так, религиозные организации, не обладавшие документальным подтверждением их существования на данной территории в течение не менее пятнадцати лет, имели право пользоваться правами как юридическое лицо при условии их ежегодной перерегистрации. Но, в данной ситуации статус юридического лица не предоставлял религиозным объединениям всего комплекса прав юридического лица до истечения 15 лет.

Таким образом, Закон 1997 г., подтвердив фундаментальные религиозные свободы, конструировал принципиально новые обстоятельства для функционирования конфессий, ставя их в прямую зависимость от укорененности в социуме. Однако закон 1997 г. предоставил только возможности для кардинальной перемены религиозной ситуации в государстве. В дальнейшем в процессе реализации на практике правоприменительных норм нового закона о свободе совести противоборство различных тенденций продолжалось.

Следует подчеркнуть, что Закон 1997 г. так и был воплощен на практике полностью. Сразу после его вступления в силу были приняты поправки, реально изменившие содержание некоторых статей. Так, 23 ноября 1999 г. Конституционный Суд РФ, признавая принцип, что закон не имеет обратной силы, принял решение, по которому положение о пятнадцатилетнем сроке может применяться лишь к тем религиозным объединениям, которые были созданы после 1 октября 1997 г. (даты вступления закона в силу) и не относится к тем религиозным организациям, которые

уже официально существовали на момент принятия закона¹. В результате получилось, что большинства религиозных объединений это положение Закона не затронуло, т.к. основная масса новых деноминаций появилась в начале 1990-х гг., т.е. до принятия Закона, а закон обратной силы не имеет.

То обстоятельство, что Закон 1997 г. в полной мере не был применен на практике, и появление значительных поправок, иногда принципиально менявших содержание некоторых его статей, доказывало, что принятие закона, вероятно, было в значительной степени обусловлено политическими моментами, закон не являлся чисто юридическим актом. Закон отражал настроения в обществе, позицию Русской Православной Церкви и формировавшуюся концепцию религиозно-государственных отношений.

Были приняты указы Президента России и постановления Правительства РФ в связи с возникшей необходимостью выработки механизма возврата религиозным объединениям культового имущества, которое было изъято у них в советский период государства.

Также важными подтверждениями укрепления церковных позиций были объявление Верховным Советом РСФСР праздника Рождества Христова нерабочим днем, начиная с 1991 г., и перевод церковных пенсионеров на государственное пенсионное обеспечение в 1992 г.²

С 1990-х гг. получила широкое распространение практика заключения договорной формы регулирования отношений, связанных с деятельностью традиционных в России конфессий. Государство заключало с религиозным объединением договор или соглашение о сотрудничестве. Сначала такие соглашения были заключены между Московской Патриархией Русской Православной церкви и федеральными органами исполнительной власти. Затем аналогичные документы были подписаны с представителями других конфессий и на региональном уровне.

Серьезной проблемой в постсоветской России стал механизм возвращения РПЦ церковного имущества. Процесс возвращения Церкви имущества религиозного назначения проходил не всегда мирно. Так, в 1999 г. арбитражный суд Ульяновской области вынес решение о передаче здания, в котором до 1917 г. располагалась Симбирская Духовная семинария, Ульяновской епархии. Администрация города обратилась с кассационной жалобой, агрессивная антицерковная компания была развернута в местной прессе. Мэрия продала данное здание на аукционе и в нем были размещены кафе, магазин дорогой парфюмерии – несмотря на то, что к этому времени уже вошли в силу законодательные нормы, регулирующие отношения между Церковью и государством по вопросам недвижимости³.

Таким образом, принципы и механизм реализации свободы совести в современной России находятся пока еще в процессе складывания, но уже очевидно, что принцип свободы совести не только закреплен юридически, но и воплощается в реальности.

¹ Конституционный Суд Российской Федерации защищает свободу совести // Религия и право, 1999. № 6. С. 2.

² Московский церковный вестник. 1992. № 7 (23). С. 9.

³ Воронеж Православный. 1999. № 8 (28). С. 2.